

А. И. РОМАНЧУК

ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ «КВАРТАЛ ХЛЕБОПЕКОВ» В ХЕРСОНЕСЕ (КВАРТАЛ XXVIII)

Вопросы исторической топографии в последние годы все больше и больше привлекают внимание исследователей¹. Историки Византии занимаются также определением характерных черт основной ячейки городского квартала — жилого дома², наиболее полное представление о котором могут дать археологические изыскания³. Вместе с тем специалисты вынуждены констатировать, что, несмотря на длительность раскопок территории некоторых провинциальных городов, материалов для выявления «городской ткани и ее хронологического развития недостаточно»⁴.

Рассматривая историю и основные результаты раскопок византийских городов, Хр. Бурас отметил, что даже для такого, казалось бы, весьма планомерно изучаемого города, как Коринф, мы не имеем возможности охарактеризовать изменения его территории в различные периоды, выявить особенности его топографии и структуры⁵. Правда, обзор археологического материала позволил греческому исследователю прийти к выводу, что ремесленные мастерские не располагались в каких-либо особых районах, а строились рядом с жилыми и торговыми комплексами; для византийского города типично сочетание мастерской на первом этаже с жилыми помещениями наверху, как и соединение лавки и мастерской. В то же время Хр. Бурас подчеркивает, что с известной долей достоверности можно определить только те мастерские, в которых имелись специальные производственные приспособления (печи для обжига керамики и стекла, прессы)⁶. Отмечая небольшие возможности, имеющиеся для выделения ремесленных комплексов, исследователь не смог ответить на вопрос, который весьма важен для понимания организации византийского ремесла: располагались ли мастерские, изготовлявшие одинаковую продукцию, рядом или же рассредоточивались по всей городской территории? В конечном итоге характерны ли вообще для Византии специализированные городские кварталы?

Основной порок археологических раскопок византийских городов в том, что не были систематически раскрыты значительные городские

¹ См., например: *Толочко П. П.* Исторична топографія стародавнього Києва. Київ, 1972; *Кулишевич С. Р.* Детинец Києва IX — первой половины XIII веков. Киев, 1982; *Janin R.* Constantinople byzantine. P., 1964; *Schneider A. M.* Byzanz: Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt. Amsterdam, 1967; *Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istantbuls. Tübingen, 1977.

² *Bouras Ch.* Houses and Settlements in Byzantine Grece // Shelter in Grece. Athens, 1974. S. 30—52; *Velenis G.* Wohnviertel und Wohnhausbau in den byzantinischen Städten // Wohnungsbau im Altertum. B., 1979. S. 227—235; *Radt W.* Die byzantinische Wohnstadt von Pergamon // Ibid. S. 199—223.

³ *Bouras Ch.* Houses in Byzantium // ΔΧΑΕ. 1982—1983, T. IA', περ. Δ, Σ. 1—3.

⁴ *Bouras Ch.* City and Village: Urban Design and Architecture // JÖB. 1981. 31/2. P. 653.

⁵ *Bouras Ch.* City and Village. P. 659. Ср.: *Giannopoulos Ph. A.* Didymoteichon: Geschichte einer byzantinischen Festung. Köln, 1975. S. 64.

⁶ *Bouras Ch.* City and Village. P. 649.

районы. Причины этого неоднократно анализировались ⁷, поэтому нет необходимости вновь останавливаться на них. Следует только отметить, что до некоторой степени они преодолены в процессе археологического изучения Херсонеса.

Начало историко-топографическим штудиям средневекового Херсонеса положили работы Г. Д. Белова, который в 30—40-е годы, обобщив данные своих раскопок, попытался отметить особенности развития северного района городища ⁸. Позднее А. Л. Якобсон на основе сравнительного анализа кварталов северного района и кварталов, расположенных вдоль главной улицы (на северо-востоке городища), пришел к выводу, что северный район в отличие от северо-восточного являлся городской ремесленной окраиной, где обитало и аграрное население ⁹. Однако из-за малочисленности материалов исследователю не удалось установить характерные особенности каждого из кварталов. В настоящее время, когда территория ряда кварталов раскопана полностью, появилась возможность суммировать результаты археологических раскопок, в частности, в плане выявления профессиональных и имущественных различий горожан.

Что же дают материалы раскопок в этом отношении (речь идет о Херсонесе поздневизантийского периода)? В качестве примера для анализа социально-топографического своеобразия города рассмотрим один из кварталов северного района — квартал XXVIII, который полностью сохранился (некоторые кварталы были разрушены морем или потревожены во время строительной деятельности нового времени, скажем, кварталы XIII—XVIII). Он интересен еще и в том смысле, что здесь выявлена достаточно четкая для средневекового периода стратиграфия. Так, во время раскопок было установлено, что в XI—XII вв. на территории квартала находились гончарные печи ¹⁰, в XIII в. началось новое строительство, оформившее планировку квартала, уцелевшую до конца XIV в. Время строительства, определенное на основе археологической ситуации, подтвердили и данные радиоуглеродных исследований ¹¹.

Квартал XXVIII, ограниченный XIII и XIV поперечными улицами и 1-й и 2-й продольными, имел размер 54×27,6 м (см. рис. 1).

Квартал исследовался Г. Д. Беловым в 1968—1976 гг., каждый новый сезон вносил определенные коррективы в открываемую планировку, которая осталась не обобщенной из-за кончины археолога. Всего для XIII—XIV вв. были выделены 8 комплексов.

Наиболее полно описаны и рассмотрены дом 1 и дом 2, раскопанные в 1969 и 1971 гг. Так, в составе дома 1 были включены пом. 1—4, 6, 7, а дома 2 — пом. 2, 5, 8—11 ¹². Правда, в отчете за 1971 г. отмечено, что пом. 8 и 9, отличающиеся техникой кладки стен, могли и не относиться к дому 2 ¹³. Тем не менее, обобщая итоги раскопок первых лет, исследователь и позднее указывал, что они относятся к дому 2, в состав которого входило также пом. 12 ¹⁴.

Таким образом, усадьба 1, состоявшая из пом. 3, 4, 7 и пристроенного позднее пом. 1, имела площадь в 134 кв. м, причем двор занимал 52 кв. м. (При подсчетах учитывались внутренние размеры помещений и не прини-

⁷ См.: Bouras Ch. City and Village; Rosser J. H. Strategy for Byzantine Archaeology // BSt. 1979. Vol. 6, pt 1/2. P. 152—166.

⁸ Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса: (По новейшим раскопкам) // МИА, 1953. № 34. С. 11—31.

⁹ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) // МИА, 1950. № 17. С. 94—99.

¹⁰ Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 г. // Архив ГХИАЗ. Д. 1685. Л. 8.

¹¹ Этот квартал, как и соседние, погиб во время пожара в конце XIV в. Собранный уголь (остатки балки) позволил установить дату пожара — 1338±25. Это означает, что дерево для строительства не могло быть срублено ранее 1313—1363 гг. Анализ произведен в лаборатории геохронологии Сибирского отделения АН СССР Л. В. Фирсовым. См.: Архив ГХИАЗ. Д. 1760, л. 16.

¹² Там же. Д. 1283. Л. 16; Д. 1394. Л. 10.

¹³ Там же. Д. 1394. Л. 10.

¹⁴ Там же. Д. 1419. Л. 9.

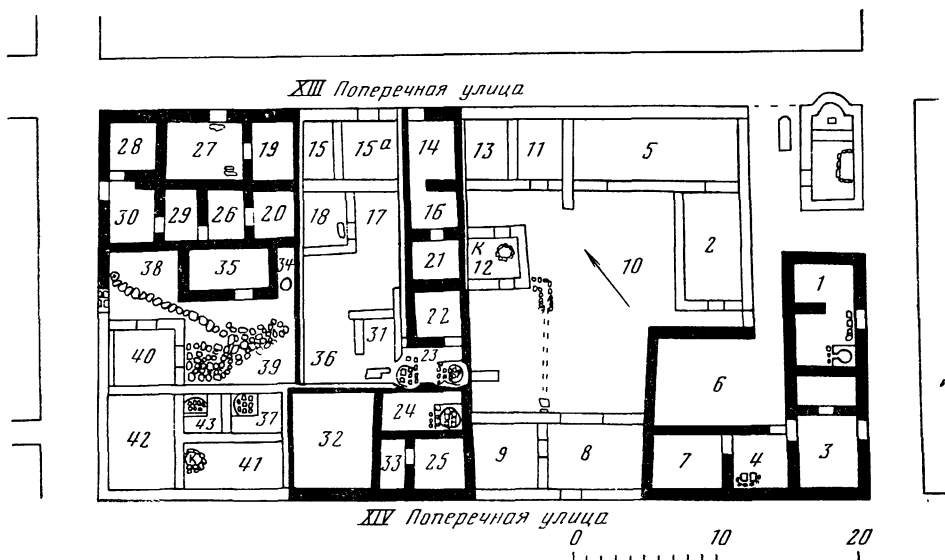

Рис. 1. План XXVIII квартала

малось во внимание, что дома могли быть двухэтажными.) По мнению Г. Д. Белова, пом. 4 являлось кухней, пом. 6 — двором.

Усадьба 2, включавшая пом. 2, 5, 8—12, имела площадь в 300 кв. м, двора — 193 кв. м. Назначение помещений определено следующим образом: пом. 11 — кладовая, участки 10 и 5 — дворы.

Открытые в 1973 г. помещения 13—18 были распределены между двумя комплексами: дом 3 состоял из пом. 15, 17, 18, а дом 4 — из пом. 13, 14, 16¹⁵. Последующие раскопки позволили уточнить структуру этих двух комплексов, и к усадьбе 3 были отнесены также пом. 31, 36, при этом обращено внимание на то, что ее ограничивают «глухие стенки»¹⁶. В усадьбу 4, кроме открытых ранее, были включены пом. 21, 22, 23¹⁷.

В окончательном варианте структура усадьбы 3 общей площадью в 101 кв. м выглядела следующим образом: два двора (участки 17 и 36) площадью в 57 кв. м, постройка во дворе — пом. 31, два жилых помещения — 15 и 18.

Усадьба 4 — основанием послужила находка булавы — была названа в отчете «домом должностного лица», площадь ее 67 кв. м, состояла она из пом. 13, 14, 16, 21 — кладовая, 22, 23. Двора не имела.

Первоначально к усадьбе 5 были отнесены пом. 24 и 25, но отмечено, что она могла иметь и другие помещения¹⁸⁻¹⁹, которые и были открыты позднее, — пом. 32, 33, 37, 41, 43²⁰. Поскольку над участками 32 и 41 (площадью в 60,4 кв. м) не было выявлено остатков кровли, они определены как дворы. Общая площадь комплекса составляла 111 кв. м.

6-я усадьба, по мнению Г. Д. Белова, состояла из пом. 19, 20, 26, 27²¹. Первоначально исследователь предполагал, что угловое помещение с подвалом — пом. 28 — к ней не относилось²². Комплекс 6 (пом. 19, 20, 26, 27, 28) площадью в 79,6 кв. м двора не имел. Пом. 29, соединявшаяся дверным проемом с пом. 26 (усадьба 6), по мнению автора раскопок, вместе с пом. 30 входило в состав так называемого дома священника²³. Основа-

¹⁵ Там же. Д. 1685. Л. 9.

¹⁶ Там же. Д. 1760. Л. 19. К сожалению, в большинстве случаев в отчетах не отмечен характер связи стен и последовательность их строительства.

¹⁷ Архив ГХИАЗ. Д. 1760, л. 16.

¹⁸⁻¹⁹ Там же. Д. 1719, л. 19.

²⁰ Там же. Д. 1760, л. 19.

²¹ Там же. Д. 1719, л. 21.

²² Там же. Л. 25.

²³ Там же. Д. 1760, л. 12—14.

нием для такого вывода явились обнаруженные в большом количестве культовые предметы. Общая площадь комплекса 7 — 21,5 кв. м.

В состав усадьбы 8 были включены пом. 34, 35, 38, 39, 40²⁴. Пом. 35 пристроено к пом. 20, 26, 29 и, скорее всего, входило в единый с ними комплекс. Помещение же 40 отделено от пом. 35 двумя дворами — участки 38 и 39 (их площадь 65 кв. м). Усадьба состояла из двух изолированных друг от друга жилых помещений, хозяйственного отсека двора — 34, ее площадь равнялась 103 кв. м.

При распределении, которое предлагалось в отчетах, не во всех случаях было учтено, что некоторые из помещений соединялись дверными проемами. Так, пом. 20, 26, 29, 30 отнесены к двум различным усадьбам. Не учтено пом. 42, которое имело общую с пом. 40 стену, ограничивавшую их со стороны улицы²⁵. Сомнительно и то, что два пристроенных к одной стене пом. 12 и 13 принадлежали к различным комплексам.

Кроме того, если учитывать предлагаемое распределение помещений, то оказывается, что на территории квартала соседствовали домохозяйства, резко отличающиеся размерами²⁶. При этом вызывает недоумение, что «дом должностного лица», оцениваемый как богатый, имел значительно меньшие размеры по сравнению с соседними (ср.: дом 4 — 67,0 кв. м, дом 2 — 300 кв. м). Невелика и площадь «дома священника» — 21,5 кв. м.

Безусловно, определить назначение помещений, их связь в рамках одного домохозяйства при наличии только фундаментов чрезвычайно сложно. Тем не менее, принимая во внимание общую группировку помещений, наличие в них дверных проемов, связь стен, которая прослеживается по планам, а также наличие обязательного бытового инвентаря (например, жерновов), план усадеб в некоторых случаях представляется иным, чем предполагалось в отчетах.

Усадьба 1. Структура ее, предлагаемая Г. Д. Беловым, выглядит убедительной. Все включенные в ее состав помещения связаны друг с другом; в комплексе есть кухня (пом. 4 с печью). Кроме того, в пом. 1, пристроенном позднее, имеется еще одна печь, причем больших размеров. В состав хозяйства входил двор с колодцем.

Усадьба 2. К ней, кроме двора (10) площадью в 144 кв. м, был отнесен еще один двор (5) площадью в 49 кв. м, пом. 8 и 9, совершенно изолированные от остальных, и пом. 2, 11, 12. Расположение и размеры так называемого двора 10 позволяют предположить, что это внутриквартальная площадь, на которую был проход с улицы и имелись выходы из всех расположенных вокруг помещений. Пристроенное к одной стене с пом. 12, пом. 13, скорее всего, входило в этот же комплекс. Таким образом, усадьба 2 состояла из пом. 2, 5, 11, 12, 13, а ее площадь составляла 120 кв. м.

Усадьба 3. Выделяя помещения, образующие этот комплекс, следует прежде всего учитывать, что стены, ограничивавшие пом. 14, 16, 21, 22, 23, были возведены одновременно. Кроме того, в пом. 23 расположены печи, которые примыкают к стене смежного с ним пом. 24. Если допустить, что пом. 23 и 24 относятся к различным домам, то придется признать, что в Херсонесе, застройка которого отличалась достаточно высокой плотностью, совершенно не соблюдались правила пожарной безопасности и существовавшие тогда строительные рекомендации. Так, по мнению Арменопулоса, в соседних домах камин не должен находиться у разграничивающей их стены²⁷. В том, что пом. 24 и 25 входили в состав одной

²⁴ Там же. Д. 1842, л. 11.

²⁵ Сводный план раскопок см.: Архив ГХИАЗ. Д. 1842. Рис. 1.

²⁶ Анализируя материалы раскопок болгарских и древнерусских городов, Д. И. Польвянный отмечал, что хотя и допускалось близкое соседство феодалов и лиц, принадлежавших к другим слоям населения, в рамках одного района, но принцип соответствия социального деления населения и его территориального размещения соблюдался, усадьбы в кварталах были гомогенны. См.: *Польвянный Д. И.* Квартальная община в болгарском городе в XIII—XIV вв. // Демографические процессы на Балканах в средние века. Калинин, 1984. С. 29—30.

²⁷ *Armenopoulos*. *Hexabiblos*, 2.4.70. Цит. по: *Velenis G.* Wohnviertel. . . S. 228.

с помещениями 14, 16, 21, 23 усадьбы, убеждает и другое: ограничивавшие их с востока стены являлись продолжением друг друга.

Наличие двух больших печей в одном из помещений, третьей — в соседнем, большое количество жерновов для размола зерна (3 пары) не могут не свидетельствовать о производственном использовании печей, поскольку для домашних нужд достаточно было бы одной печи или очага, который имелся в пом. 24. Несколько печей и жерновов в одной усадьбе делают возможным предположение, что ее владелец был хлебопеком. Люди этой профессии, как показывают данные более ранних письменных источников, сами производили размол зерна²⁸.

Таким образом, усадьба 3 состояла из 9 небольших помещений, расположенных в одну линию, и имела площадь в 128 кв. м. Участок 32 представлял собой двор: здесь не обнаружено остатков кровли; пом. 14 и 16 использовались для различных хозяйственных целей, причем в пом. 16 производился размол зерна — ведь именно здесь сосредоточивались жернова (две пары). Пом. 21 являлось кладовой, другая кладовая с четырьмя пифосами находилась в пом. 25, а пом. 22, по мнению автора раскопок, служило спальней, о чем косвенно говорят находки плашек-светильников²⁹.

Помещения 23 и 24 были связаны с производственной деятельностью владельца дома, в них находились печи, отличавшиеся только размерами: в пом. 23 большая печь имела размер пода $0,9 \times 1,0$ м, меньшая — $0,75 \times 0,60$ м, печь в пом. 24 — $1,40 \times 1,25$ м. Печи близки по конструкции: под вымощен черепицей, свод выложен из обломков черепицы на глиняном растворе и обложен каменным кожухом. В устье стояли столбики. Под полом печей обнаружена подсыпка из гальки. Около большой печи лежал жернов.

Усадьба 4. В ее состав (если учитывать единовременный характер строительства стен и наличие дверных проемов, соединяющих помещения) входили пом. 15, 15а (с полуподвальной кладовой), 17, 18, а также хозяйственное пом. 31, расположенное на участке двора (17, 36). Площадь усадьбы 101 кв. м.

Усадьба 5. Включала в свой состав помещения 19, 20, 26—30, 34, 35, 38: площадь ее 134 кв. м. На основании находок в двух ее помещениях большого количества культовых предметов, а во дворе (участок 38) — большого ключа, вероятно от дверей храма, этот комплекс вслед за Г. Д. Беловым можно считать принадлежащим священнику³⁰.

Усадьба 6. В состав усадьбы входили пом. 40—43, 37, 39, площадь их 134 кв. м. В пом. 43 и 37 обнаружены печи, по конструкции аналогичные печам усадьбы 3.

Обращает на себя внимание такая деталь: в усадьбе 5, где имелся только один очаг, найдена пара жерновов, в усадьбе 6 их две пары.

Усадьбы 5 и 6 имели общий двор (38—39)³¹, часть территории которого, примыкавшая к усадьбе 6, была вымощена; по двору проходил водосточный канал, вливавшийся в магистральный уличный водосток.

Вне распределения по усадьбам остались два помещения квартала: пом. 8 и 9, которые в равной степени могут быть включены в состав усадеб 1 и 3. Сравнение линии стен названных усадеб показывает, что пом. 4 и 7 (усадьбы 1) и пом. 25 и 33 (усадьбы 3) имеют близкую ширину, а пом. 8

²⁸ Книга Эпарха. XVIII. 1. Анализ материалов других кварталов Херсонеса показывает, что в усадьбах, как правило, была одна печь или очаг. См.: Романчук А. И., Лосицкий Ю. Г. Квартал XIII—XVIII северного района Херсонеса в XII—XIV вв.: (Опыт социальной реконструкции) // АДСВ. 1985. С. 102—121.

²⁹ Архив ГХИАЗ. Д. 1719, л. 16—17.

³⁰ Правда, Г. Д. Белов включал в состав дома священника только пом. 29 и 30 площадью в 21,50 кв. м. См.: Архив ГХИАЗ. Д. 1760. Л. 12—13. Наличие дверных проемов, соединявших эти помещения с соседними, не позволяет согласиться с этой точкой зрения.

³¹ О наличии общего двора для двух соседних домов писал Юлиан Аскалонит. См.: Аскалонит Юлиан. О законах или обычаях Палестины. § 31 / Пер. и коммент. М. Я. Сюзюмова // АДСВ, 1960. Вып. 1.

и 9 несколько шире их. Возможно, эти два помещения, расположенные между усадьбами 1 и 3, эксплуатировались их владельцами сообща. Специфика назначения пом. 8 и 9 определила их большую ширину и наличие выхода на площадь. Автор отчета отмечает также, что построены они из крупных камней, что сравнительно редко встречается в частных домах Херсонеса³², а стены обмазаны глиной.

Характер находок не позволяет определить с полной уверенностью назначение данных помещений. Судить предположительно о функциях пом. 8 и 9 можно, только проанализировав в целом все усадьбы квартала. Так, в двух смежных помещениях — 43 и 37 — усадьбы 6 были расположены печи, которые могли использоваться для выпечки хлеба или масового приготовления каких-либо продуктов питания; три аналогичные печи находились в усадьбе 2. В усадьбе 1 тоже имелось 2 печи: одна большая (в пом. 1), близкая по конструкции выявленным в пом. 37 и 43, и другая меньших размеров в пом. 4.

Наличие двух печей в составе одного комплекса позволяет предполагать, что и в усадьбе 1 производилась выпечка хлеба. Можно попытаться представить продуктивность этой предполагаемой пекарни. В верхнем слое одного из помещений, раскопанных К. К. Косцюшко-Валюжиничем, был найден обуглившийся хлебец³³. Диаметр его около 15 см. Если принять во внимание, что это остатки кислого хлеба, который, как известно, выпекали византийцы, то его размер мог быть 18—20 см. В таком случае в двух печах, например, усадьбы 3 могло быть изготовлено 72—86 подобных хлебцев. (Размеры подов печей в пом. 23 и 24 данной усадьбы — 0,9×1,0 м и 1,25×1,40 м.) Кроме того, здесь находилась третья печь меньших размеров (под — 0,75×0,60 м), использовавшаяся, возможно, для приготовления какого-то другого продукта питания или сорта хлеба³⁴.

Из письменных источников мы знаем, что хлебопеки сами производили размол зерна, используя для этого тяговую силу (Книга Эпарха, XVIII. § 1). Жернова же, обнаруженные в рассматриваемых комплексах, имели небольшой диаметр (0,32—0,35 м) и являлись частью, скорее всего, ручных мельниц. В таком случае возникает вопрос: могли ли хлебопеки усадеб 1, 3, 6 обеспечить потребности в муке, если размол зерна производился на ручных мельницах?

Экспериментальные исследования трудовых процессов древности показывают, что с помощью ручных жерновов два человека преклонного возраста за один час могли смолоть свыше 5 кг ржи, с помощью римской ручной мельницы две женщины за один час способны были приготовить 4,5 кг пшеничной муки, а при достаточно хорошем освоении навыков производительность труда повышалась в 2 раза³⁵. Восстановленная опытным путем производительность труда позволяет предполагать, что даже без использования тяговой силы животных небольшая пекарня способна была удовлетворить свои потребности в муке³⁶.

³² Архив ГХИАЗ. Д. 1394. л. 10.

³³ ОАГ за 1894 г. СПб., 1896. С. 55.

³⁴ Несомненно, что комплексы с двумя-тремя печами были связаны с приготовлением продуктов питания, ибо возможное количество выпеченного хлеба значительно превышает потребности одной семьи, которая в поздневизантийское время состояла из 5—6 человек. См.: *Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв.: (По материалам налоговой описи Лампсака) // ВВ, 1976. 37. С. 29.*

³⁵ *Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974. С. 280—281.*

³⁶ Интересно, что в римской армии одна ручная мельница приходилась на группу в 50 человек. См.: *Семенов С. А. Развитие земледелия. . . С. 282.* Для определения производительности херсонесских пекарен было бы чрезвычайно важно сравнить такие данные, как количество муки, нужное для приготовления хлебца, с дневным рационом одного человека. К сожалению, письменные источники Византии не дают материалов для подобных сопоставлений. Известные нам районы римского времени, которые, безусловно, не могут полностью отражать интересующий нас аспект, все же позволяют составить некоторое представление о количестве потреблявшегося хлеба. Так, Катон рекомендовал отпускать виллику в месяц 3 модия зерна, рабам зимой — по 4 модия, летом — 4,5 модия (*Cato. De agric., 57*). Публикуя источник, М. Е. Сергеевнко отметила, что эти нормы приближались к тем, которые существо-

Гипотезу, будто комплексы с двумя, в некоторых случаях — тремя печами служили непременно хлебопекарнями, нельзя считать единственно верной. Возможно также, что, кроме выпечки хлеба, в них готовился и какой-то другой продукт питания, предназначенный на продажу.

Вполне вероятно, что 3 усадьбы из 6 квартала XXVIII принадлежали лицам, занятым производством продуктов питания, в том числе и хлеба, для жителей города. В таком случае пом. 8 и 9, отличавшиеся от других характером кладки стен и выделявшиеся своим местоположением, могли являться торговыми лавками, тавернами: именно поэтому одно из них имело широко открытый выход на квартальную площадь.

Кроме лиц, связанных так или иначе с торговлей продуктами питания, в квартале проживал и священник. Судя по размерам площади, на которой размещена его усадьба, он по имущественному положению не отличался от своих соседей³⁷. Характерно, что комплексы, которые предположительно являлись усадьбами хлебопеков, содержателей таверн, имели близкие размеры (134, 128, 134 кв. м). Правда, площадь дворов в них несколько отличается (52, 38, около 42 кв. м соответственно). В то же время двор при «доме священника» имел площадь около 23 кв. м.

Любопытно, что жители кварталов занимались рыбной ловлей. Во всех усадьбах, кроме первой, был найден рыболовный инвентарь. Владельцы их имели по одной сети, занимаясь, вероятнее всего, ловлей рыбы для собственных нужд. К орудиям труда и приспособлениям, которые в известной мере характеризует бытовые занятия жителей квартала, относятся скобель, гребенка для расчесывания шерсти (усадьба 5), мастеров, скобель, пряслице и проколка (усадьба 4), долото, зубатка, остатки якорного каната (усадьба 3), пряслице, проколка, наперсток и четыре подковы (усадьба 1). Однако все эти предметы немногочисленны и могли являться принадлежностью дома любого горожанина.

Второй вопрос, неизбежно встающий при изучении топографии квартала, — вопрос о том, насколько соблюдались рекомендации, применявшиеся в Византии при размещении производственных комплексов.

В трактате Юлиана Аскалонита отмечается, что те, кто устраивает заново хлебопекарни, должны размещать их помещения на открытом возвышенном месте, на расстоянии 6 локтей от соседнего строения, если оно в один этаж. Если последнее в два этажа, то расстояние должно быть увеличено в 2 раза (Аскалонит Ю. § 14). Это правило действовало и в более позднее время: не случайно главы о застройке были включены в трактат Арменопулоса³⁸. В то же время в Книге Эпарха нигде не оговаривалось, что пекарни должны быть изолированы от остальной жилой застройки. Рекомендовалось только, чтобы печи не помещали под жилыми помещениями (Книга Эпарха. XVIII. § 3). Судя по планировке, печи, в которых мог выпекаться хлеб, не примыкали к жилым помещениям соседних домов. Так, пом. 37 и 43 (усадьба 6), где расположены печи,

вали и для легионеров. См.: Ученые земледельцы древней Италии / Пер. М. Е. Сергеевко. Л., 1970. С. 215). Исходя из выявленной С. А. Семеновым производительности труда на ручных мельницах, можно констатировать, что это зерно в пересчете на дневную потребность могло быть смолото за 20—30 минут при низкой производительности труда, а при хорошем владении ручной мельницей — за 10—15 минут. Если допустить, что для выпекавшегося в Херсонесе хлеба использовалось 0,5—0,8 кг муки, то для размолота муки на хлеб, выпекавшийся в усадьбе 3, должно было затрачиваться от 6 до 10 часов. Практически обеспечить потребности пекарни в муке могла только непрерывная работа в течение всего дня. Конечно, расчеты, для проведения которых взяты показатели, относящиеся к различным хронологическим периодам, и вместе с тем использованы современные экспериментальные данные, приближительны и ни в коей мере не могут послужить основанием для выводов о распределении труда и его производительности, когда мы рассматриваем те комплексы Херсонеса, которые можно связать с хлебопечением.

³⁷ Подтверждает связь с хлебопечением усадеб 1, 3, 6 и то, что в них в отличие от «дома священника» находилось, как уже сказано, по несколько пар жерновов.

³⁸ Сююмов М. Я. Книга Эпарха как источник // Византийская книга Эпарха. М., 1962. С. 14.

отделены от соседних дворами (участки 39 и 32), как и помещения 24 и 23 с печами усадьбы 3, двором (участок 36).

Расстояния между производственными комплексами и жилыми помещениями соседних усадеб составляют от 6 до 12 м. что значительно превышает рекомендуемое. Это обстоятельство позволяет считать, что в Херсонесе, как, вероятно, и в других византийских городах, достаточно строго соблюдались меры противопожарной безопасности.

Еще один критерий, используемый для характеристики городской культуры, — это плотность застройки.

Методика изучения демографической ситуации Херсонеса была разработана А. Л. Якобсоном³⁹. Применяя ее, но учтя поправку к представлению о численности византийской семьи, предложенную Г. Г. Литавриным⁴⁰, можно предположить, что на территории квартала проживало в рассматриваемое время 30—36 человек. Таким образом, на одного человека приходилось по 42,5—56 кв. м территории (застроенной и незастроенной). Плотность обитания в квартале XXVIII составляла 181—235 человек на 1 га⁴¹.

Таблица 1

Квартал XXVIII. Распределение помещений по усадьбам, находки

Усадьба	Помещение	Однaя площадь, кв. м	Площадь двора, кв. м	Наличие печей, очагов	Инвентарь
1	1, 3, 4, 6, 7	134	52	Печь в пом. 1 и 4	Жернова (2 пары), кирка или мотыга, топор, зубатка, гребенка для расчесывания шерсти, подковообразные пластины (4), оселки, проколка, наперсток, пряслице, пифосы (4), цедилка, посуда, миска из бронзы (2), амфоры.
2	2, 5, 11, 13, 12	120	48	Печь в пом. 12	Жернова (2 пары), мастерок, якорь, грузила (?), цепи для люстры, подсвечник, пифосы (4), посуда, амфоры.
3	14, 16, 21—25, 32, 33	128	38	2 печи в пом. 23 1 печь в пом. 24 очаг в пом. 24	Жернова (3 пары), грузила свинцовые (32), булава, энколпион, наконечник копья, нож, треножник от подсвечника, медная кастрюля, медная чаша (2), плошка, пифосы (5—6), посуда, амфоры.
4	15, 15а, 17, 18, 31, 36	101	32,5	Печь в пом. 18	Жернова (2 пары), долото, зубатка, якорь, гребенка для расчесывания шерсти (2), грузила: 90 керамических и 4 свинцовых, пифосы (5), амфоры (10), кувшины тарные (5), посуда.
5	19, 20, 26—30, 34, 35, 38	134	Около 23	Очаг в пом. 34 Печь в пом. 28	Жернов (1 пара), долото, скобель, гребенка для расчесывания шерсти, грузила: 17 керамических и 5 свинцовых, плошка, пряслице (2), проколка, ступа, кадьница (2), хорос, лампада, энколпион (2), большой ключ (от храма — ?), иконы (2), железный крест, пифосы (12), дуршлаг, амфоры, посуда.
6	40—43, 37, 39	134	Около 42	2 печи в пом. 43 и 37	Жернова (2 пары), скобель, гребенка для расчесывания шерсти, грузила (40), пифосы (4), посуда, амфоры.

³⁹ Якобсон А. Л. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ, 1961, 29. С. 160.

⁴⁰ Литаврин Г. Г. Провинциальный византийский город. . . С. 29.

⁴¹ Для сравнения приведем данные о плотности населения некоторых городов того же времени: Париж — 500 человек на 1 га, итальянские города — 100—250 человек на 1 га. См.: Беленицкий А. М., Бенатович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый

В заключение отметим, что в литературе сложилось представление, будто северный район Херсонеса в поздневизантийское время превращается в сельскую и ремесленную окраину города, которая противостоит кварталам северо-востока как противоположный «социальный полюс»⁴², — именно поэтому, как считают, последний период строительства характеризуют дома, весьма убогие по размерам и технике их возведения; только немногие лица из духовенства, торговцев и других представителей господствующего класса якобы жили в более крупных домах и располагали обильным инвентарем⁴³.

Анализ материалов квартала XXVIII не позволяет согласиться со столь негативной оценкой всей северной части города. Техника же строительства домов и планировка кварталов северо-восточного и северного районов в целом не имели существенных различий.

город Средней Азии. Л., 1973. С. 257—259 (авторы произвели подсчеты на основе материалов ряда исследований, в частности: *Gazelles R.* La population de Paris avant la peste noire // СРАІВ. Р., 1966; *Beloch K. J.* Bevölkerungsgeschichte Italiens, 1937—1965. Bd. I—III).

⁴² МИА, № 17. С. 97.

⁴³ *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, С. 315.